

ПСИХОАНАЛИЗ КАК НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА

А.М. Зотов^{1,2}

¹ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» (Самара, Россия)

²Медицинский центр «София» (Самара, Россия)

Для цитирования: Зотов А.М. Психоданализ как научно-исследовательская программа. *Аспирантский вестник Поволжья*. 2022;22(3):27-35. doi: 10.55531/2072-2354.2022.22.3.27-35

Сведения об авторе

Зотов А.М. – аспирант кафедры философии, врач-психотерапевт, главный врач. ORCID: 0000-0002-7427-3402
E-mail: am-zotov@mail.ru

Рукопись получена: 07.06.2022

Рецензия получена: 10.07.2022

Решение о публикации: 12.07.2022

Аннотация

Цель – рассмотреть основные аспекты развития психоанализа в методологии, предложенной И. Лакатосом. Обозначены основные элементы «твёрдого ядра», составляющие психоаналитическую метапсихологию, на примерах показана работа «защитного слоя». Развитию психоанализа и сохранению его эвристической силы способствовали преобразования, открытия, приведшие к формированию современной формы этой научно-исследовательской программы. Почти с момента своего появления психоанализ стал способом исследования человека и за пределами медицины. Распространение идей психоанализа в философии, социологии, политике, антропологии и т.д. вовлекло в разработку теоретических построений все больше исследователей, критически пересматривающих фундаментальные положения и дающих программе современное звучание. На всем протяжении развития психоанализа как научно-исследовательской программы критически важным являлась опора на лечебную практику.

Ключевые слова: психоанализ; научно-исследовательская программа.

Конфликт интересов: не заявлен.

PSYCHOANALYSIS AS A SCIENTIFIC RESEARCH PROGRAM

Aleksei M. Zotov^{1,2}

¹Samara University (Samara, Russia)

²Medical center "Sofiya" (Samara, Russia)

Citation: Zotov AM. Psychoanalysis as a scientific research program. *Aspirantskiy vestnik Povolzhiya*. 2022;22(3):27-35. doi: 10.55531/2072-2354.2022.22.3.27-35

Information about author

Aleksei M. Zotov – postgraduate student of the Department of Philosophy, Chief physician. ORCID: 0000-0002-7427-3402
E-mail: am-zotov@mail.ru

Received: 07.06.2022

Revision Received: 10.07.2022

Accepted: 12.07.2022

Abstract

Aim – to consider some basic aspects of the development of psychoanalysis in the methodology proposed by Imre Lakatos. We outlined the constituent elements of the "solid core" that make up a psychoanalytic metapsychology; the work of the "protective layer" is shown by examples. The development of psychoanalysis and the preservation of its heuristic power have been facilitated by the transformations and discoveries that have led to the formation of the modern form of this scientific research program. Since its emergence, psychoanalysis has become a way of studying the human being outside of medicine as well. The dissemination of the ideas of psychoanalysis in philosophy, sociology, politics, anthropology, etc., involved more and more researchers in the development of theoretical constructions, critically revising the fundamental positions and giving the program a contemporary resonance. Throughout the development of psychoanalysis as a scientific research program, the reliance on therapeutic practice has been critical.

Keywords: psychoanalysis; scientific research program.

Conflict of interest: nothing to disclose.

ВВЕДЕНИЕ

Анализ нынешней психотерапевтической практики и литературы дает представление о существующем в психотерапии положении дел. Нужно сказать, что это больше похоже на кризис (от др.-греч. κρίσις «решение, исход», «поворотный пункт»). Очевидно, что этот кризис будет иметь скорее продуктивное разрешение, поскольку речи об исчезновении психотерапии как социальной – в широком смысле – практики не идет. Иными словами, накоплено много материала и старых, неудовлетворяющих схем и теоретических построений, чтобы можно было ожидать новых концептуализаций и подходов. Стоит назвать некоторые из признаков такого кризиса.

Во-первых, это продолжающееся взаимопроникновение психотерапевтических парадигм до уровня смещения, потери собственной методологической оригинальности, структуры и направленности развития. Напомним, что традиционно во всей психотерапии (консультативной психологии) выделяют три основные парадигмы (три направления), берущие свои методологические основания в теории и практике конца XIX – начала XX века. Первое направление – психоаналитическая психотерапия (З. Фрейд, Ш. Ференци, А. Адлер, К.-Г. Юнг, М. Кляйн, М. Балинт, Х. Спотниц, О. Кернберг и другие), которая сейчас более известна как психодинамическая психотерапия. Об основных родовых чертах этого направления речь пойдет позже. Вторым направлением психотерапии

является когнитивно-поведенческое (Б. Скиннер, Дж. Уотсон, А. Бандура, А. Эллис, А. Бек и другие). Третьим – экзистенциально-гуманистическое (Ф. Перлз, П. Гудман, К. Роджерс, М. Босс, В. Франкл, Р. Мэй, И. Ялом и другие). Обзору работ ключевых родоначальников направлений и основных парадигмальных посылок посвящено огромное количество литературы [1, 2]. Нужно отметить, что смещение началось через некоторое время после формирования основных веток психотерапии. Точнее будет сказать, что развитие основных направлений происходило не только за счет конкуренции и полемики, но и в процессе взаимопроникновения и взаимной подпитки. Стоит добавить, что в практической плоскости это смещение стало основной реальностью. Консультирующие специалисты в подавляющем большинстве эклектичны, они используют разные методики и подходы, в том числе при лечении одного пациента / клиента. Такой комплексный подход действительно лучше всего соответствует практическим задачам специалиста, поскольку тот работает в условиях большого количества переменных: разная патология у пациентов, различные временные и финансовые возможности в обеспечении терапии, изменения в организации места для психотерапии (госзаказ, ограничение по техническому оснащению, интересы платных клиник, в которых трудится специалист, и проч.), усиливающийся крен в дистантные формы помощи и т.д. Таким образом, практика мультимодальной психотерапии постоянно находится в некоторой оппозиции к относительно стройным теоретическим подходам, безусловно влияя на них.

Вторым признаком кризиса в психотерапии можно назвать увеличивающийся разрыв между кардинально и стремительно меняющимися условиями жизни современного человека и запаздывающими изменениями в подходах в помощи. Особенно это заметно в нашей стране: количество специалистов в государственных учреждениях уменьшается [3], бесплатная (бюджетная) психотерапевтическая помощь становится менее доступной, регулирующие юридические нормы давно не пересматривались и не актуализировались, растет число специалистов в частной сфере, причем больше всего за счет психологов, а внятного законодательного регулирования психологической помощи нет. В условиях увеличивающегося темпа жизни, увеличения количества острых ситуаций (теракты, последствия техногенных катастроф, военные конфликты) растет спрос на быструю помощь, на методики и подходы, позволяющие человеку без промедлений вернуться к своей привычной жизни.

Третьим, но не последним маркером кризисной ситуации в психотерапии (подробный анализ кризиса – за пределами задач данной статьи) можно назвать отсутствие новых стройных концептуализаций, теорий психического здоровья и болезни. Если говорить о психиатрии как об очень близкой, но изначально более медиализированной области, то она двинулась по пути доказательности, дименсиональности [4] и потянула за собой психотерапию в ее медицинском крыле (традиционно разделяют медицинскую и немедицинскую психотерапию). И если такой цифровой, «считаемый» подход удовлетворяет задачам, поставленным в психиатрии, то в психотерапии, каждый раз имеющей

дело с уникальностью контекста расстройств и проблем пациента, он не годится совсем. Психотерапевтический контекст человеческой сингулярности, кстати, влияет еще и на то, что психотерапия никак окончательно не может оформиться как наука, институционализироваться, регулярно стигматизируясь социумом либо как ремесло, либо как искусство или шарлатанство.

Актуальность данной работы, таким образом, определяется текущим обозначенным крупными штрихами положением дел в психотерапии. Поскольку у этого кризиса много «родителей», социально-экономических предпосылок, ограничимся фокусировкой на вопросе функционирования систем знаний внутри самой науки. Исследуем генезис этой стороны кризиса на примере развития психоаналитического течения с момента его появления до настоящего времени. Формой этого анализа выбран подход И. Лакатоса [5] к описанию «жизни» научных исследовательских программ. Литературы, анализирующей судьбу психоанализа в процессе становления, жизни и взаимодействия с другими направлениями, науками и сферами социальной жизни, огромное количество [6, 7]. Работ же по описанию психоанализа как научно-исследовательской программы обнаружено не так много [8]. Отметим, что сам И. Лакатос скептически относился к теоретической работе родоначальника психоанализа, видя в ней, как и в марксизме, слабость, неспособность предсказывать факты [5:439]. О том, что марксизм и фрейдизм располагаются у И. Лакатоса в одном примере, предстоит еще поговорить, пока лишь отметим этот факт. Тем не менее рассмотрение развития психоанализа (который значительно шире, чем фрейдизм) с позиции онтологии научно-исследовательских программ может быть вполне продуктивным для того, чтобы приблизиться к пониманию кризисного состояния в психотерапии. В целом наметим основную логику данной работы: описать «ядро» и «защитный слой» психоанализа, определиться с его положительной эвристикой, обозначить некоторые ключевые этапы, помогавшие программе развиваться и преодолевать периоды стагнации, завоевывать новые рубежи в психотерапии и смежных специальностях, выходить на новые уровни обобщений, например, в философии. Говоря другими словами, если допустить, что жизнь научно-исследовательских программ похожа на жизнь живых организмов в одном ареале обитания (конкуренция, соперничество, симбиоз, вытеснение, поглощение и проч.), то, рассмотрев жизнь одного такого экземпляра, мы получим некоторое понимание сути происходящих процессов и в самом ареале.

О «ТВЕРДОМ ЯДРЕ» ПСИХОАНАЛИЗА

Рассмотрим психоанализ в основных категориях, определенных И. Лакатосом в отношении научно-исследовательской программы. Описывая значительные последовательности, имевшие место в истории науки (а психоанализ сейчас уже можно признать таковой, как бы кто к нему ни относился), автор отмечает важность непрерывности, связывающей элементы в единое целое. Эта непрерывность и есть суть развития такой программы, даже если ее начало положено самыми абстрактными утверждениями.

«Программа складывается из методологических правил, часть из них – это правила, указывающие, каких путей исследования нужно избегать (отрицательная эвристика), другая часть – это правила, указывающие, какие пути надо избирать и как по ним идти (положительная эвристика)» [5:361]. Далее И. Лакатос определяет ключевые позиции. У всех исследовательских программ есть «твердое ядро», то есть фундаментальные утверждения, на которых держится вся структура программы, а также «защитный пояс» вокруг этого ядра, который должен защищать ядро и выдерживать основные удары проверок [5:363]. Отрицательная эвристика запрещает критику утверждений, включенных в «твердое ядро». Вместо этого должны выдвигаться и развиваться «вспомогательные гипотезы» [5:363].

Разрабатывая методологию психоанализа (примерно с 1896 года), З. Фрейд уделял много внимания исходным предпосылкам, собственным образованиям, которые служили направляющими для формирования учения. Он отмечал, что в психоанализе нужно пользоваться лишь психологическими идеями, воздерживаясь от гипотез из других наук [9]. Психоанализ «пытается придать психиатрии то психологическое обоснование, которого ей не хватает», и «надеется обнаружить общую почву, на основе которой станет мыслимой конвергенция умственных и физических расстройств» [9]. Важно постоянно помнить, что психоаналитическая теория развивалась в теснейшем переплетении с практикой, то опережая ее, то отставая, теряя объяснительную силу. Необходимость учитывать обозначенную взаимозависимость с неизбежностью также легла в основу этой новой метапсихологии. «Определяя, что есть психоанализ, З. Фрейд указывал, что под ним одновременно скрываются: 1) способ исследования психических процессов, недоступных обычному пониманию; 2) метод лечения неврозов; 3) ряд возникших в результате этого психологических теорий» [10:26]. Психоанализ Фрейда все время трансформировался, изменялся с новой практикой, новыми гипотезами о психической жизни, взаимодействовал с другими научными исследовательскими программами, но при этом не переставал оставаться психоанализом.

Определимся с «твердым ядром» психоанализа. Какие постулаты являются системообразующими для этой научно-исследовательской программы? Какие типичные положения, допущения, гипотезы вкуче с практически приемами могут сигнализировать, что мы имеем дело с психоаналитической научно-исследовательской программой? Во-первых, нужно обозначить *топографическую модель психики*, в которой постулируется, что психика состоит из трех частей: бессознательного, предсознательного и сознательного. Трехчастный (многочастный в более поздних вариантах) характер строения психики – одна из визитных карточек психоаналитического (психодинамического) направления. Позже Фрейд дополнил топографическую модель психики *структурной*, выделив в психическом аппарате три подсистемы: Оно, Я и Сверх-Я. Следующим ключевым аспектом теории является введение концепции об инстинктах и *влечениях*, которые в целом в процессе трансформаций и пересмотров были разделены на две группы: Эрос и Танатос (влечение к жизни

и влечение к смерти соответственно). Концепция о влечениях была дополнена теорией о *психических защитах* – способах справляться с неудовлетворенностью в сфере влечений и сопутствующей тревогой, недовольством. Далее необходимо выделить важнейший элемент, разработанный Фрейдом, – *стадии психосексуального развития*, отражающие этапность созревания любого человека, превращение его из младенца во взрослую личность. Для исследования направленности и силы этого стадийного движения было введено понятие *либидо*. «Либидо – это сила, совершенно аналогичная голоду, в которой выражается сексуальное влечение, подобно тому, как в голоде выражается влечение к пище» [9:199]. Ключевым в психосексуальном развитии был обозначен *Эдипов конфликт*, полноценное прохождение которого, преодоление и проживание формирует взрослого и здорового человека. Структурными элементами психоанализа также стали практика *свободных ассоциаций* и анализ *сновидческой деятельности* пациентов. Продуцированию свободных ассоциаций, припоминанию и озвучиванию материала сновидений мешает *сопротивление* [11:154]. Следующие друг за другом терапевтические сессии, соблюдение терапевтического сеттинга (условий проведения психоанализа) способствовали развитию *переносных и контрпереносных отношений* – повторению, воспроизведению травматичных отношений из прошлого пациента и врача в их текущей коммуникативной данности. Перенос должен быть актуализирован (невроз переноса) и разрешен, то есть проанализирован и сведен на нет. С контрпереносом врачу требовалось справляться самому, а позже появились рекомендации, имеющие статус обязательности, к прохождению терапевтом собственного психоаналитического лечения.

Уже первые работы, в которых Фрейд описывал новый подход к лечению пациентов с психическими расстройствами, подверглись мощной критике как со стороны коллег, так и со стороны специалистов смежных профессий и направлений. Одновременно новый взгляд на терапию таких пациентов заинтересовал массу специалистов, которые взяли его осваивать и развивать. Критика, освоение и развитие шли рука об руку. Новая терапия действительно открывала новые возможности в лечении пациентов, у которых годами не наблюдалось успехов. Психоанализ предлагал «устойчиво прогрессивный теоретический сдвиг» [5:364], и при этом теоретические построения сразу могли находить свое подтверждение или опровержение в практике. Эмпирический прогресс подкреплял теоретический. При этом, конечно же, оставалась масса эмпирического материала, который не укладывался в психоаналитическую теорию, да и процесс лечения пациентов – дело не быстрое, учитывая динамику улучшений и регрессии в состоянии. Говоря о натиске опровергающего материала, И. Лакатос пишет о принципе «отрицательной эвристики» – запрете на критику основных положений «твердого ядра» программы. Натиск противоречивых фактов должен быть удержан «защитным поясом» и даже подпитывать его, превращая временные поражения в победы [5:365]. Далее он отмечает, что ядро научно-исследовательской программы может быть разрушено только тогда, когда она – программа – перестает

предсказывать и объяснять факты или появляется новая теория, делающая это лучше. При этом нужно учитывать, что «даже самые динамичные и последовательно прогрессивные исследовательские программы могут «переварить» свои «контрпримеры» только постепенно. Аномалии никогда полностью не исчезают» [5:366].

Наряду с отрицательной эвристикой каждая программа имеет в своем арсенале и положительную эвристику, которая «складывается из ряда доводов, более или менее ясных, и предположений, более или менее вероятных, направленных на то, чтобы изменить и развивать «опровержимые варианты» исследовательской программы, как модифицировать, уточнять «опровержимый» защитный пояс. Положительная эвристика выручает ученого от замешательства перед океаном аномалий» [5:366]. Исследователи классического психоанализа и ключевые фигуры в *современном психоанализе* Х. Томэ и Х. Кэхеле [11] соглашаются с Боденом (1977) в том, что эвристика как метод направляет мышление по малоизвестному пути, на котором вероятнее всего достижение цели. И в добавление к эвристическому подходу отмечают важность подхода алгоритмического, также применимого в психоанализе. Практически невозможно ошибиться в достижении цели, если двигаться алгоритмически предписанным путем. Авторы отмечают, что, хотя Фрейд и не делал различий между эвристическим и алгоритмическим методами, «тем не менее, его технические рекомендации в значительной степени соответствуют нашему пониманию эвристических стратегий» [11:368]. Основной целью эвристических стратегий, положительной эвристики является сбор и организация соответствующей информации, которая фильтруется в самом процессе поиска. Сбор и переработка информации сопровождаются формированием рабочих гипотез, моделей внутри исследовательской программы. С помощью постоянно формируемых и выбраковываемых моделей происходит ее развитие [5:369]. Модели позволяют оперативно отвечать на «опровержения» и сохраняют до определенного времени в недостижимости ядро программы. Литература по истории развития психоанализа изобилует примерами рабочих моделей З. Фрейда и других авторов. В целом можно сказать, что психоанализ сформировался как *метapsихология* в двух основных значениях – широком и узком. «В широком смысле – это совокупность теорий, составляющих концептуальную основу психоаналитической терапии; в узком – ряд базовых концепций З. Фрейда» [10:26]. Р. Гринсон [12] определяет психоаналитическую метапсихологию минимальным количеством допущений, на которых базируется психоанализ как система. Эта система развивалась за счет выраженной положительной эвристики и предсказательной силы. И. Лакатос считал, что положительная эвристика является более гибкой, чем отрицательная. Он отмечал, что именно положительная эвристика имеет ключевое значение в развитии программы, при почти полном игнорировании опровергающих фактов и опыта. «Более того, время от времени случается, что когда исследовательская программа вступает в регрессивную фазу, то маленькая революция или творческий толчок в ее положительной эвристике может снова подвинуть ее в сторону

прогрессивного сдвига» [5:367]. Важным при этом оказывается понимание, что именно объяснительная способность исследовательской программы, а не опровергающие примеры поддерживает ее работу. Нужно отдать должное З. Фрейду, что при создании психоанализа и скором появлении противоречивых сведений о его эффективности он все равно двигался вперед. В духе И. Лакатоса можно было бы сказать, что З. Фрейд обладал низкой чувствительностью к разрушительной силе аномалий.

Отмечая эволюционные процессы в развитии научного знания, И. Лакатос пишет, что «некоторые из самых значительных исследовательских программ в истории науки были привиты к предшествующим программам, с которыми находились в вопиющем противоречии» [5:377]. Это справедливо и для психоанализа. Важно понимать, что возникновение этой программы произошло не на пустом месте. Накануне (Вундт, 1879; Бехтерев, 1885) возникла экспериментальная психология, появились успехи в неврологии, Ж. Шарко и И. Бернхейм разрабатывали теоретические положения к гипнотической практике, Й. Брейер предложил катартический метод в лечении пациентов с неврозами. З. Фрейд плотно общался с этими и другими коллегами и еще активно интересовался философией. Когда «привитый» росток психоанализа окреп, то он составил мощную конкуренцию как теоретико-практической психологии, так и философским построениям. Основными «аномалиями» в психоаналитической практике начального периода оказывались случаи психотических и нарциссических расстройств. И если нарциссическим расстройствам З. Фрейд сначала не придавал большого значения, сосредоточившись на неврозах, то в отношении психотических пациентов он считал психоанализ беспомощным, малоперспективным занятием. Лишь при развитии психоанализа до современного состояния появилась возможность помогать пациентам с более широким спектром проблем.

Продолжая рассматривать психоанализ З. Фрейда с позиции развития научно-исследовательских программ, стоит еще раз вернуться к неразрывному единству эмпирической практической стороны дела и ее теоретического сопровождения. «Диалектика исследовательских программ... совсем не сводится к чередованию умозрительных догадок и эмпирических опровержений. Типы отношений между процессом развития программы и процессами эмпирических проверок могут быть самыми разнообразными; какой из них осуществляется – вопрос конкретно-исторический» [5:396]. И. Лакатос отмечает важный момент в этом диалектическом единстве: необходимость избегания увлеченности сбором данных, что может помешать формулировке даже «наивных эмпирических гипотез» [5:396]. При этом «крен» в другую сторону, в излишнее теоретизирование грозит сделать программу косной, излишне жесткой и «нежизнеспособной» [5:398]. Важно отметить, что именно тенденциозность З. Фрейда, претензии на исключительную правильность его взглядов, даже авторитарность в научном подходе стали теми основаниями, в связи с которыми его талантливые ученики из последователей превратились в критиков и «отступников». Хотя нужно признать, что это «отступничество» вылилось в итоге в самобытные,

развивающие дерево психоаналитического знания ветви. А. Адлер разработал свою индивидуальную психологию, К.-Г. Юнг – аналитическую, В. Райх стал родоначальником телесно-ориентированной психоаналитической психотерапии, а Э. Фромм предложил гуманистический психоанализ. Ф. Перлз, начавший свой путь в психотерапии как психоаналитик, сейчас известен всем как создатель гештальт-терапии. Появление ответвлений от основного ствола психоанализа, критика и конкуренция, безусловно, способствовали развитию психоаналитического подхода в целом. «История науки была и будет историей соперничества исследовательских программ (или, если угодно, «парадигм»), но она не была и не должна быть чередованием периодов нормальной науки, чем быстрее начинается соперничество, тем лучше для прогресса. «Теоретический плюрализм» лучше, чем «теоретический монизм»» [5:400]. Говоря о конкурентных отношениях, нужно признать, что к текущему моменту психоанализ так прочно завоевал позиции в психологии и психотерапевтической практике, что другим научно-исследовательским программам приходится нелегко. Разработчикам таких программ очень трудно преодолеть притяжение психоанализа, дабы не быть поглощенным или не вступить на путь скрытых или неявных заимствований. В начале XX века психоанализ, будучи молодой программой, сам испытывал те проблемы, которые создает в настоящее время для других. И. Лакатос, исследуя похожие аспекты взаимодействия научно-исследовательских программ, отмечал, что, пока рациональные реконструкции программы сохраняют надежды на прогрессивный сдвиг проблем, ее (программу) следует оберегать от распада [5:402]. Завершая обзор основных положений классического психоанализа З. Фрейда в оптике И. Лакатоса, нужно еще раз подчеркнуть скептическое отношение последнего к работе первого. В своем скепсисе в отношении психоанализа, да и психологии вообще, И. Лакатос соглашается с П. Милем [13], считая, что развитие статистической техники и улучшение экспериментальных условий дает аппарат лишь для фальшивых подкреплений, снижения барьера валидности и создания видимости научного прогресса, за которым (прогрессом) стоит в таком случае «лишь псевдоинтеллектуальный мусор». Однако З. Фрейд изначально пытался выразить свои идеи на языке строгой науки, ориентируясь, к примеру, на основателя психофизики Г. Фехнера, который, в свою очередь, рассматривал психику как гомеостатическую систему с возможным ее описанием в духе физических моделей. З. Фрейд писал, что «в психических функциях следует выделять нечто, обладающее всеми характеристиками количества – степени аффекта или порции возбуждения, которые могут возрастать, убывать, смещаться и разряжаться, его можно описать по аналогии с электрическим зарядом» [14].

РАБОТА «ЗАЩИТНОГО СЛОЯ». СОЗДАНИЕ СОВРЕМЕННОГО ПСИХОАНАЛИЗА

Рассмотрим теперь некоторые ключевые трудности, с которыми пришлось столкнуться психоанализу (теперь именуемому *классическим*) практически с самого начала. Эти трудности, артефакты стали «добычей» и «пищей»

защитного слоя научно-исследовательской программы. Х. Томэ и Х. Кэхеле, описывая ранние этапы развития психоанализа, солидарны с дочерью З. Фрейда Анной Фрейд, ставшей впоследствии знаменитым детским психоаналитиком, и отмечают, что в течение некоторого времени детище отца-основателя находилось в стадии революции и почти анархии [11:41]. Далее они цитируют самого З. Фрейда, очень емко описавшего свой новый лечебный метод еще в 1914 году. Тот отмечает ключевые позиции, два факта, всегда наблюдаемые в лечении невротика: формирование переноса и работу сопротивления. «Любая линия исследования, которая признает эти два факта и относится к ним как к начальным точкам своей работы, имеет право называться психоанализом, даже если она придет к результатам, отличным от моих собственных» [11:41]. Х. Томэ и Х. Кэхеле, анализируя работы более поздних коллег и последователей классического психоанализа, признают их несомненную связь с работами З. Фрейда, ссылаясь на очевидную сложность отношений между психоаналитической теорией и практикой. Авторы отмечают диалектическое противостояние психоаналитической ортодоксии и нововведений.

На укреплении позиций психоанализа – уточнение положений ядра и мощи защитного слоя – поработала, например, А. Фрейд, которая стала одним из апологетов эго-психологии. Она положила начало коррективам в детском психоанализе, обозначив соответствующую специфику: у ребенка отсутствует представление о своей болезни; с детьми не формируется невроз переноса в традиционном понимании; ребенок не способен исполнять основное правило психоанализа – свободно ассоциировать; родители активно присутствуют в лечебном процессе; супер-эго ребенка еще не сформировано, эту функцию приходится брать на себя психоаналитику. М. Кляйн, еще один известный детский психоаналитик, полемизируя с А. Фрейд, предложила технику игры взамен невозможным свободным ассоциациям. Она считала игровые действия ребенка аналогами свободных ассоциаций. А. Фрейд, не соглашаясь с таким подходом, видела эквивалентом свободных ассоциаций фантазии, эмоции и детские рисунки. Далее она систематизировала представления о психических защитах Я (эго), что помогло расширить представления о защитных и синтетических функциях этой инстанции. Также А. Фрейд развивала теорию влечений, особо уделяя внимание агрессивным импульсам, и исследовала важность связи ребенка с матерью, закладывая основы в теорию «объектных отношений». «В целом работа А. Фрейда содействовала пониманию эго как относительно независимой организации, находящейся в постоянном взаимодействии с внешним миром, влечениями и другими интрапсихическими требованиями» [15:33]. М. Кляйн также активно рассматривала роль агрессии и любви в формировании детской психики. Ввела понятие о «хорошей» и «плохой» материнской груди, где появление такого разделения является результатом действия агрессивных детских импульсов неудовольствия, результатом расщепления. Любовь, напротив, выполняет синтетическую функцию, отвечает за целостность объекта. В процессе раннего развития, по предположению М. Кляйн, ребенок проходит *шизоидно-параноидную*

(связанную с агрессивными импульсами) и *депрессивную* (связанную с либидо) стадии.

Теорию ранних объектных отношений развивал и М. Балинт. Из ключевых позиций можно упомянуть концепцию «базового доверия» и углубленного описания доэдипальных нарушений. Проводя сравнения, М. Балинт указывает, что эдипальные отношения триангулярны по своей сути: в интрапсихическом конфликте пациента участвуют кроме него оба родителя. «Язык взрослых» является адекватным для описания этого уровня нарушений. Доэдипальные нарушения диадичны по своей сути (отношения с матерью), и описания возможности осознания и описания этих нарушений в целом находятся вне (до) языка. Именно поэтому более нарушенные пациенты не невротического уровня столь сложны в понимании и в успешной терапии.

Также среди апологетов теории объектных отношений можно упомянуть Д. Винникотта. Одной из его интересных идей оказалось различие между «субъективным объектом» (интроектом) и «использованием объекта» [15:72]. Отметим, что публикация работ Д. Винникотта приходится уже на 70-е годы XX века. Психопсихология как программа развивается уже более 80 лет, все более разрастаясь идеями и сторонниками. Приведенные примеры демонстрировали работу «защитного слоя» программы с постепенной модификацией ядерных постулатов и допущений. Современный психоанализ продолжил свое формирование. Из ключевых направлений можно отметить селф-психологию Х. Кохута, интерперсональный и интересубъективный подходы, внушительную работу нашего современника О. Кернберга, выделившего регистры, уровни душевных расстройств (невротический, пограничный, психотический). Таким образом, та часть психоанализа, которая опиралась на непосредственную практику помощи пациентам с психическими расстройствами, в своей теоретической части все ближе смыкалась с эмпирикой, с процессами, фактами, наблюдаемыми в непосредственном контакте анализируемого и аналитика. Этому сближению теории и практики способствовало совершенствование фиксирующей аппаратуры, различного рода технических устройств и установок, прогресс в фарминдустрии, развитие когнитивной и экспериментальной психологии. Уязвимость допущений в классическом психоанализе постепенно нивелировалась. Описанные процессы разработки продолжают до сих пор. Однозначно можно утверждать, что эвристическая ценность психоанализа как метода исследования личности и помощи ей в психических расстройствах до сих пор крайне велика. Сама структура «помогающего» психоанализа имеет сильно разветвленный вид и сложную организацию из-за массы направлений и школ. Примером может быть резюме Е. Змановской относительно психоаналитических подходов: «В современном психоанализе выделяют *шесть метапсихологических подходов*: топографический, динамический, экономический, генетический, структурный и адаптивный. Это одновременно и теории психоанализа, и аспекты рассмотрения психической динамики пациента. Последнее означает то, что для полного понимания любого психического феномена необходимо проанализировать его с шести различных точек зрения» [10:26].

Среди последующей критики отмечается необходимость а) усиления герменевтических процедур, а не потворствование «научному самозаблуждению» (Ю. Хабермас, 1971); б) отказа от метапсихологии в угоду клинической части, что сильно повысило бы доказательность эффективности психоанализа; в) наведения порядка в идеях о психических связях, моделирование которых является источником противоречий и несоответствий; преодоления крена в «биологизаторство». Выдвигая защитные гипотезы, З. Фрейд надеялся, что разрабатываемая им метапсихология со временем все больше будет получать подтверждения на «органическом фоне» исследований головного мозга и нервной системы в целом. Одновременно он надеялся на вспомогательные концепции глубинной психологии, которые должны были бы внести большую ясность в работу бессознательного. Х. Томэ и Х. Кэхеле констатируют, что в последние десятилетия XX века психоанализ вобрал в себя идеи из психологии развития и когнитивной психологии. Осознавая существующий кризис психоаналитической программы, авторы ставят задачу для современников – «обновить психоаналитическую теорию, существовавшую раньше в форме метапсихологии и потому основанную на зыбкой почве, содержательно и методологически ему чуждой». И далее: «При клинической или экспериментальной проверке теорий нельзя начинать с метапсихологических измышлений, которые состоят из беспорядочной смеси идеологических постулатов, выведенных из натурфилософии, метких метафорических высказываний о человечестве и ярких наблюдений и теорий по поводу происхождения душевных болезней» [11:46]. В 60-х годах прошлого столетия Д. Рапопорт и М. Гилл расширили метапсихологию, включив в нее генетическую и адаптивную точки зрения. Генетический подход, опирающийся на историю развития пациента, как и адаптивный, состоит из психосоциальных элементов, преодолевающая биологические положения экономического принципа психоанализа. Вслед за ними Р. Холт предложил отказаться от энергетических концепций, включающих идеи о катексисе и либидо, а также от знаменитой объясняющей триады «Я», «Оно», «Сверх-Я». Х. Томэ и Х. Кэхеле отдают должное метапсихологическим построениям в классическом психоанализе. Тем не менее эти построения должны смениться на более современные [11:47]. Р. Уэлдер (1962) выстроил уровни психоаналитической программы от индивидуальной клинической интерпретации через клиническое обобщение и клиническую теорию до уровня абстрактных понятий. Он полагал, что чем выше уровень, тем менее он соответствует практике. Б. Фэррелл (1981) характеризовал отношения между высшими и низшими уровнями теории метафорой двуликого Януса. В практике аналитика верхние уровни помогают ему организовать материал пациентов. С другой стороны, теоретизируя, он использует концепции, чтобы лучше понять работу психического аппарата пациентов. Практическая связанность материала («пища» для теорий) существует на низших уровнях.

Обозначая дальнейшее развитие классического психоанализа, «перерождение» его в современный, Х. Томэ и Х. Кэхеле отмечают ключевую важность психосоциальных

процессов, предполагающих «способность к символизации», которая не может быть приписана биологии [11:57]. В результате исследования рассогласований в психоанализе авторы признают, «что критика метапсихологии так, как она сформулирована Гиллом, Холтом, Клейном и Шафером, убедительна» [11:57]. Они выступают за теорию психоанализа, основанную на представлениях из психологии и психодинамики, на исследованиях психофизиологических корреляций. И отмечают, что многим психоаналитикам очень трудно отказать от метапсихологии, т.к. с годами метафоры метапсихологии приобрели психодинамические смыслы, далекие от изначальных физических. В определенном смысле происходит возврат к ранним открытиям З. Фрейда и их ревизия.

НОВЫЕ ТЕРРИТОРИИ ПСИХОАНАЛИЗА

В 1970 году вышла одна из знаковых работ Эриха Фромма «Кризис психоанализа». Сначала автор пишет об успехах, о грандиозном распространении психоаналитического подхода не только в узком терапевтическом направлении, но и шире, в других социальных областях. При этом человек, обратившийся за помощью, становился членом довольно экзотической секты, в которой аналитик был жрецом; проводя время на кушетке, человек чувствовал себя менее озадаченным и менее одиноким [16:12]. Развивая свое наблюдение дальше, Э. Фромм предполагает, что кушетка аналитика стала для многих (как для пациентов, так и для последователей) некоей тихой гаванью, в которой можно укрыться от беспокойства и дискомфорта. Причем такой уют устраивал обоим – и аналитика, и его врача. То есть, на взгляд Э. Фромма, участники психоаналитического процесса «договорились» не беспокоить друг друга, и это стало одной из самых больших проблем, ведущих психоанализ к стагнации и регрессии [16:13]. К тому же практикующие психоаналитики, видя непрерывающийся поток клиентов в их кабинеты, стали «ленивыми», все более обеспеченными, с все более крепким ощущением непогрешимости собственной истины. Попутно автор отмечает развитие других вариантов психотерапевтического лечения, часто более быстрых и более дешевых. Или появление, к примеру, групповой психотерапии, эффективность которой тоже стала признаваться (о таковой эффективности появилось много свидетельств после Второй мировой войны) и которая значительно сэкономила ресурсы всех участников. Эти описанные причины кризиса Э. Фромм относит к поверхностным и обозначает более глубокие: движение психоанализа от радикальной теории к конформистской и респектабельной [16:16]. Само по себе это замечание в отношении психоанализа ценно тем, что, скорее всего, его можно выдвинуть ко многим научно-исследовательским программам, имеющим длительный период жизни. Период борьбы за существование, расталкивание всех локтями сменяется временем видимого благополучия и спокойствия. Защитный слой программы скорее укрепляется массой адептов и последователей, чем атакуется с появлением урона.

Отдельным пунктом Э. Фромм отмечает кризисное участие философов, не всегда корректно и адекватно

развивающих идеи З. Фрейда вне терапевтической практики. Примером такого философа, внесшего массу искажений, он называет Г. Маркузе. В том, что Э. Фромм упоминает философов в книге по психоанализу, есть и обратная очень важная сторона: жизни и развитию психоанализа как программе во многом способствовал выход этой метапсихологии далеко за пределы лечебного пространства для душевнобольных. Психоанализ практически сразу стал еще и частью наук о человеке, разместившись в социологии, антропологии, философии и т.д. Для преодоления кризиса Э. Фромм считает, что в психоаналитических процедурах и исследованиях фокус должен быть смещен с изначально проблематизированных вопросов сексуальности на феномены, формирующие патологию в современном обществе: тревожность, пассивность, боязнь глубоких чувств, одиночество, безрадостность [16:50].

Среди основных последователей и одновременно модификаторов психоанализа, давших новое дыхание этой программе не только в лечебной практике, но и в философском дискурсе, необходимо назвать Ж. Лакана, который обогащает психоанализ лингвистическими идеями Ф. де Соссюра: «...никогда в психоанализе речь не шла о бессознательном как о резервуаре влечений или, хуже того, инстинктов. Открытие Фрейда состояло как раз в том, что бессознательное – неосознаваемые представления, что бессознательное высказывает субъекта в свободных ассоциациях. Субъект выговаривается, проговаривается» [17:101]. Ж. Лакан предлагает три порядка психического (третью топикю): символическое, воображаемое, реальное. Он утверждает, что «символическое предшествует появлению на свет субъекта. Субъект рождается в символическом» [17:133]. И далее: «Вхождение в собственно человеческий регистр связано с Эдипом, Законом, Другим, Кастрацией, Отцом, Именем Отца. Открытие символического порядка, по Лакану, как раз и составляет главное открытие Фрейда» [17:133]. Говоря о Ж. Лакане, стоит упомянуть об описанной им стадии зеркала, которая важна для формирования человеческой субъектности, о его исследованиях взаимоотношений означающего и означаемого. Еще раз отметим, что в цель данной работы не входит обзор всего наследия упоминаемых авторов. Выборочные примеры на протяжении жизни психоанализа как научно-исследовательской программы дают представление о ее сохраняющейся эвристической силе [18]. Присоединение мыслителей продолжило усиливать позиции психоанализа не только в практике психической помощи, но и в целом в науках о человеке.

Популярность идей психоанализа в философии связана, конечно, прежде всего с тем, что в этой модели были предложены новые ответы, гипотезы на давний, традиционный вопрос «что такое человек?». З. Фрейд сам инициировал внетерапевтические размышления, написав, например, такие работы, как «Моисей и монотеизм», «Недовольство культурой», и прочие. Упоминание связи, отношений философии и психоанализа демонстрирует живучесть психоаналитической исследовательской программы и прирост ее эвристичности за счет возникновения корректирующей полемики в других, не психотерапевтических, областях. Без преувеличения можно сказать,

что лучшие исследовательские умы XX века участвовали в дискуссии вокруг и по поводу психоанализа. Возникла масса критической философской литературы, в которой обсуждались (и развивались) основные положения метапсихологии З. Фрейда. Зачастую эта литература строилась в полемическом направлении, как ответ одного ученого другому [6:211]. Упомянутую полемику можно найти, к примеру, в философской антропологии М. Шелера и А. Гелена, экзистенциальном психоанализе Ж.П. Сартра, М. Босса и Л. Бинсвангера, в феноменологии К. Ясперса и М. Мерло-Понти, в логотерапии В. Франкла [19:121]. П. Рикер, Ю. Хабермас и Б. Фаррел развивают герменевтические идеи психоаналитического направления: «Фрейдовская метапсихология может быть рассмотрена как метагерменевтика, и, следовательно, можно говорить о «метагерменевтической роли психоанализа» [6:287].

Развитию психоаналитических идей способствовало рассматривание их в параллели с марксистскими. З. Фрейд и К. Маркс стали самыми известными мыслителями XX века. Начиная с ученика З. Фрейда В. Райха, их работы рассматривались в общем русле. Объединяющей оказалась идея о скрытых основаниях как социально-экономического развития общества, так и поведения отдельного человека. По этой характеристике скрытости, необходимости герменевтической работы в отношении истинных мотивов и движущих сил П. Рикер отнес З. Фрейда и К. Маркса (вместе с Ф. Ницше) к философам «школы подозрения» [20]. М. Фуко в своем предисловии к американскому изданию «Анти-Эдипа» Ж. Делеза и Ф. Гваттари [21] пишет об определенном стиле, этике интеллектуала – необходимости быть в контексте обоих направлений. Ж.-Ф. Лиотар, продолжая критику марксизма и фрейдизма, предлагает идеи экономики либидинальных интенсивностей [22]. Э. Фромм исследует, как должны измениться фокусы внимания, мишени для работы психоаналитика в развивающемся капиталистическом обществе [16]. Ж. Бодрийяр рассматривает эвристичность обоих направлений в отношении возможностей описания процессов нынешней жизни и критикует их в общих основаниях за обладание связностью «лишь в своих частично-ограниченных пределах» [23:386]. С. Жижек констатирует, что «между интерпретационными процедурами Маркса и Фрейда, точнее, между анализом товара и анализом сновидения существует фундаментальное сходство» [24:19]. А. Дугин, вводя понятие археомодерна, необходимое для «понимания особенностей русского общества в целом» [25:3], также опирается на конструкции К. Маркса и З. Фрейда. Конечно, нужно еще раз оговориться, что в строгом научном смысле нужно разделять фрейдизм и психоанализ (психоанализ шире, создан усилиями не только З. Фрейда), психоанализ классический и современный и т.д. Еще раз отметим, что упоминание политэкономической теории К. Маркса в рамках текущей работы дано в качестве примера взаимного укрепления исследовательских программ: критика, полемика, нахождение смежных и соответствующих областей позволило привлечь в ряды оппонентов или союзников большое количество мыслителей в XX веке. Идеи не оставались без их носителей. Все это позволяло распространяться

психоаналитической программе дальше и постоянно обновляться, совершенствоваться, обновляться.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье проанализировано развитие психоанализа как научной исследовательской программы в модели И. Лакатоса. Было показано, за счет каких положений и допущений было сформировано твердое ядро программы, что стало защитным слоем, чьими силами программа была введена в научное пространство. Далее было показано развитие программы, работа защитного слоя, отмечена существенная эвристическая ценность. Высокая объяснительная сила и терапевтическая ресурсность, значимые возможности для лечения людей с психическими расстройствами способствовали укреплению позиций психоанализа. Опора на клинику и соответствующая необходимость пересмотра метапсихологии, движение в направлении все большей объективации эмпирической составляющей позволили не оставаться психоанализу умозрительной теорией. Современные технологии, развитие когнитивной психологии и усиление нейронаук способствуют все большему «заземлению» психоанализа, формированию верифицируемой научной базы. Сохраняется развитие психоаналитических идей в социальных науках [26] и философии [27], что характеризует психоаналитическую программу как имеющую ценность в отношении вопросов современности. «Современный психоанализ представляет собой непрерывно развивающуюся систему, в рамках которой классическое наследие закономерно преобразуется в актуальное знание» [9:2]. Сохранение методологической психоаналитической платформы позволяет смягчать проявления кризиса в психотерапии и способствовать развитию тенденций на его продуктивное преодоление. При этом весомость и разработанность этой программы, длительный период ее жизни являются угрозами для новых разработок, как в плане поглощения их, так и в плане усвоения ими исконных психоаналитических черт. Так тормозятся оригинальные психотерапевтические подходы и развиваются различные психоаналитические школы и направления.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов, требующего раскрытия в данной статье.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Heigl-Evers A, Heigl F, Ott Yu, Ryuger U. *Basic Guide to Psychotherapy*. SPb., 2001. (In Russ.). [Хайгл-Эверс А., Хайгл Ф., Отт Ю., Рюгер У. *Базисное руководство по психотерапии*. Пер. с нем. СПб., 2001].
2. Zotov AM. Homo psychotherapeuticus, or Psychotherapy in the reflection of contemporary philosophy. *Aspirantskiy Vestnik Povolzh'ya*. 2021;(7-8):40-48. (In Russ.). [Зотов А.М. Homo psychotherapeuticus, или Психотерапия в отражении современной философии. *Аспирантский вестник Поволжья*. 2021;(7-8):40-48]. doi: 10.55531/2072-2354.2021.21.4.40-48
3. *Psychiatric care for the population of the Russian Federation in 2019: an analytical review*. [Internet]. (In Russ.). [Психиатрическая помощь населению Российской Федерации в 2019 году: аналитический обзор]. Available at: <https://psychiatr.ru/news/1264>
4. Berrios GE, Marková IS. Does the concept of "dimensions" apply to psychiatric objects? *Russian version of the WPA journal "World Psychiatry"*. 2013;12(1):73-75. (In Russ.). [Berrios GE, Marková IS. Применима ли концепция «дименсий» к психи-

- атрическим объектам? *Русская версия журнала ВПА «Всемирная психиатрия»*. 2013;12(1):73-75]. Available at: https://psychiatr.ru/files/magazines/2013_02_wpa_546.pdf
5. Lakatos I. *Selected Works on Philosophy and Methodology of Science*. Trans. from English. М., 2008. (In Russ.). [Лакатос И. *Избранные произведения по философии и методологии науки*. Пер. с англ. М., 2008].
 6. Leibin VM. *Freud, psychoanalysis and modern Western philosophy*. М., 1990. (In Russ.). [Лейбин В.М. *Фрейд, психоанализ и современная западная философия*. М., 1990].
 7. Hjelle L, Ziegler D. *Personality Theories: Basic Assumptions, Research, and Applications*. Trans. from English. SPb, 1997. [Хьелл Л., Зиглер Д. *Теории личности: основные положения, исследования и применение*. Пер. с англ. СПб., 1997].
 8. Tolkacheva ON. Research program of psychoanalysis. *Theory and practice of psychoanalysis*. 2016;2. [Internet]. (In Russ.). [Толкачева О.Н. Научно-исследовательская программа психоанализа. *Теория и практика психоанализа*. 2016;2]. Available at: <http://vol2-2016.ecpp-journal.ru/920.html>
 9. Freud Z. *Introduction to psychoanalysis*. Trans. from German. М., 2016. (In Russ.). [Фрейд З. *Введение в психоанализ*. Пер. с нем. М., 2016].
 10. Zmanovskaya EV. *Modern psychoanalysis: theory and practice*. SPb., 2011. (In Russ.). [Змановская Е.В. *Современный психоанализ: теория и практика*. СПб., 2011].
 11. Kächele H, Thomä H. *Modern psychoanalysis*. Trans. from English. М., 1996. (In Russ.). [Томэ Х., Кэхеле Х. *Современный психоанализ*. Пер. с англ. М., 1996].
 12. Grinson RR. *Technique and practice of psychoanalysis*. Trans. from English. М., 2010. (In Russ.). [Гринсон Р.Р. *Техника и практика психоанализа*. Пер. с англ. М., 2010].
 13. Meehl P. Theory-Testing in Psychology and Physics: A Methodological Paradox. *Philosophy of Science*. 1967;34(2):103-115. doi: 10.1086/288135
 14. Freud Z. *The neuro-psychoses of defence*. The standard edition of the complete psychological works of Sigmund Freud. 1962.
 15. Starovoitov VV. *Modern psychoanalysis: integration of subject-objective and subject-subjective approaches*. М., 2004. (In Russ.). [Старовойтов В.В. *Современный психоанализ: интеграция субъект-объективного и субъект-субъективного подходов*. М., 2004].
 16. Fromm E. *Crisis of psychoanalysis*. Trans. from German. М., 2017. (In Russ.). [Фромм Э. *Кризис психоанализа*. Пер. с нем. М., 2017].
 17. Mazin VA. *Introduction to Lacan*. М., Novosibirsk, 2004. (In Russ.). [Мазин В.А. *Введение в Лакана*. М., Новосибирск, 2004].
 18. *Freud Forever: An Interview with Jacques Lacan*. [Internet]. (In Russ.). [Фрейд навсегда: *Интервью с Жаком Лаканом*]. Available at: <https://tovievich.ru/news/7725-freyd-navsegda-intervyu-s-zhacom-lakanom.html>
 19. *Psychology of Personality*. Eds. Yu.B. Gippenreiter, A.A. Puzyreya. М., 1982. (In Russ.). [Психология личности. Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, А.А. Пузыря. М., 1982].
 20. Emelyanova MA. "Philosophy of Suspicion" in the 20th Century: Barthes and Baudrillard. [Internet]. (In Russ.). [Емельянова М.А. «Философия подозрения» в XX веке: Барт и Бодрийяр]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-podozreniya-v-xx-veke-bart-i-bodriyyar/viewer>
 21. Deleuze G, Guattari F. *Capitalizme et schizophrénie: L'Anti-Edipe*. Trans. from French. Ekaterinburg, 2007. (In Russ.). [Делез Ж., Гваттари Ф. *Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения*. Пер. с фр. Екатеринбург, 2007].
 22. Lyotard J-F. *Libidinal economy*. Trans. from French. М.; SPb., 2018. (In Russ.). [Лиотар Ж.-Ф. *Либицинальная экономика*. Пер. с фр. М.; СПб., 2018].
 23. Baudrillard J. *Symbolic exchange and death*. М., 2011. (In Russ.). [Бодрийяр Ж. *Символический обмен и смерть*. М., 2011].
 24. Žižek S. *Sublime object of ideology*. Trans. from English. М., 1999. (In Russ.). [Жижек С. *Возвышенный объект идеологии*. Пер. с англ. М., 1999].
 25. Dugin AG. *Archeomodern*. М., 2011. (In Russ.). [Дугин А.Г. *Археомодерн*. М., 2011].
 26. Naumova EI. Freud's psychoanalysis as a rationalistic concept. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 7: Philosophy. Sociology and social technologies*. 2012;3(18):22-26. (In Russ.). [Наумова Е.И. Психоанализ Фрейда как рационалистическая концепция. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии*. 2012;3(18):22-26].
 27. Goricheva T, Orlov D, Sekatskii A. *From Oedipus to Narcissus*. SPb., 2001. (In Russ.). [Горичева Т., Орлов Д., Секацкий А. *От Эдипа к Нарциссу*. СПб., 2001].

■ Автор для переписки

Зотов Алексей Михайлович
Адрес: ул. Вольская, 81, кв. 92, г. Самара, Россия, 443008.

■ Corresponding Author

Aleksei M. Zotov
Address: ap. 92, 81 Volskaya st., Russia, 443008.

E-mail: am-zotov@mail.ru